

УДК 316.334.3 + 336.636

«ЕВРАЗИЙСТВО» И «КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ»

Н. И. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru.

В статье анализируется политико-культурный контекст современного звучания интеграционных идей концепции «евразийства».

Ключевые слова: «евразийство», политическая культура, идеология, политическая интеграция, политический выбор.

«Eurasianism» and «Continental Rationality»

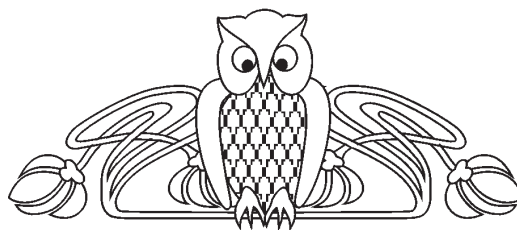
N. I. Shestov

The article examines the political and cultural context of modern ideas of integration concept of «Eurasianism».

Key words: «Eurasianism», political culture, ideology, political integration, political choice.

Нарастание конфликтности в современной мировой политике делает востребованными идеи, на которые государствам и обществам можно было бы опереться в политическом выборе и политическом действии. Опереться при осуществлении своей внутренней политической мобилизации и при выстраивании долгосрочных стратегий интеграции и геополитической конкуренции с другими, аналогичными субъектами политических процессов. В этом смысле понятен источник современного, выражаясь словами русского философа Г. В. Флоровского, «евразийского соблазна», который, как это уже было в 20-е гг. прошлого столетия, одолевает сознание части политической и научной элиты и той части общества, которая готова солидаризироваться с властью и наукой в своем политическом выборе. Действительно, наблюдая за тем, как на наших глазах разворачивается глобальный системный кризис политики как одного из ключевых культурных инструментов конструирования цивилизационного пространства, как практика «двойных стандартов» рушит основы политического порядка, мучительно сложившегося за последние два столетия, здравомыслящему человеку трудно не поддаться соблазну сказать: «Давайте поскорее задумаемся и от тупиковой по своей сути глобальной конфронтации перейдем хотя бы к региональной интеграции!». В какой его интерпретации ни возьмем, в той ли, которая сложилась у истоков этой концепции в трудах русских исследователей-эмигрантов, или в той, которую «евразийству» дает современная отечественная политическая мысль, «евразийство» обладает важнейшим для политической теории свойством – конструктивностью и оптимистичностью.

Вопрос, однако, в другом. Какой бы конструктивной и оптимистичной ни была полити-

ческая идея, она, чтобы претендовать на идеологический ранг (а именно на него по некоторым признакам во внутренней и внешней политике России она сегодня претендует), еще должна быть своевременной. То есть высказанной при надлежащей готовности хотя бы *относительно-большинства*, а не только какой-то наиболее «продвинутой» в плане политико-культурного развития их части, элит и общества сплотиться вокруг нее. В противном случае велик риск того, что и в этом случае, как это уже было прежде с конструктивной и оптимистичной коммунистической идеей, как это сегодня происходит с оптимистичной и конструктивной идеей интеграции Украины в Евросоюз, вместо политического консенсуса внутри элит и между элитами и обществом может получиться очередной в нашей истории политический раздор на почве идеологических пристрастий. Каков будет масштаб этого вероятного раздора – вопрос другой, тут трудно что-либо заранее прогнозировать. И в этом особенная опасность таких идеологических ситуаций. Важен сам факт вероятности такого идейного конфликта, который, к сожалению, не учитывается в большинстве современных оценок политического потенциала «евразийской» идеи, в которых акцент делается преимущественно на интегративном аспекте. В политическом же процессе обычно выдерживается принципиальный баланс интеграционных и дезинтеграционных тенденций. На то, что лежит в основе современных дезинтеграционных тенденций в мировой и региональной политике, науке, наверное, тоже следовало бы обратить внимание при оценке идеологических перспектив «евразийской» идеи.

В частности, это определенные сдвиги в мировосприятии, свойственные современным элитам и обществам современных развитых стран Старого и Нового Света. В массовом сознании современных «западных» социумов, в их реакциях на проблемы внутренней и международной политики, в пресловутой политике «двойных стандартов» использования либеральных ценностей, норм и институтов и в поддержке ее гражданами просматривается политико-мифологическая по своей сути установка того свойства, что отступить сейчас от этих либеральных ценностей и институтов, от этой «светлой мечты» об устойчивом, комфортном и безопасном существовании – значит признать наиболее есте-

ственным состоянием для современной цивилизации, ее «магистральным путем», как любили в 90-е гг. прошлого века выражаться отечественные публицисты, именно ее «прежнее» неустойчивое и рискованное состояние. То состояние, от которого «западные» общества так хотели уйти, и после краха советской системы в современном мире стало казаться вполне очевидным, что им это почти удалось. Для граждан и элит этот отказ от «мечты» равносителен тому, чтобы вернуться вновь в свое политическое прошлое, в противоречивый «многополярный» и кризисный мир, согласиться, как это было у предшествующих поколений, с неизбежностью обменять свой ментальный и материальный комфорт (пусть даже не полный) на непредсказуемый по своим результатам поиск новых стратегий выживания и развития, сопряженный с расходом огромных материальных и человеческих, временных ресурсов, которые будут изъяты из, так сказать, нынешнего «меню обществ потребления».

Простая логика подсказывает в этой ситуации для развитых социумов и их политических элит наименее рискованную и наименее ресурсозатратную (и, добавим, в сущности, мифотворческую) позицию: если в рамках либеральной политики нельзя фактически избавиться от неустойчивости и рисковости политических процессов, то ведь можно изменить общественное понимание природы этой неустойчивости, отношение к ней. Можно побудить граждан относиться к ней как к чему-то гораздо менее существенному, в сравнении со «светлой мечтой» об устойчивости и безопасности, комфортном потреблении. Можно побудить граждан и элиты жить как бы в двух политических мирах одновременно и по двум самостоятельным стандартам либеральной политики. Сегодня многочисленные каналы информационных коммуникаций способны эффективно (как в экономическом, так и в политическом понимании этого термина) решить эту задачу при гораздо меньших комплексных затратах, чем этого потребовали бы от обществ и государств реальное изменение политических стратегий и идеологическая работа по убеждению граждан в правильности таких изменений.

Можно (что и делается на практике) настроить массовое сознание на то, что истоки внутренней и внешней политической неустойчивости, многочисленных рисков лежат не в объективных законах функционирования социально-политических, культурных, экономических систем (о которых писали еще мыслители-позитивисты XIX столетия и большую часть которых пока никто не опроверг), а в сиюминутных и во многом субъективных факторах. Например, в «происках международных террористов», которые расшатывают объективно прочное и устойчивое здание современной либеральной политики. Можно сюда еще присовокупить (и обыватель, насмо-

тревшийся фильмов-катастроф, охотно это примет) и расшатывающие влияния на либеральную политику экологические и демографические проблемы, и даже угрозы из космоса.

Одновременно можно убедить обывателя в том, что демократические политические элиты, консолидированные в современное правовое и социальное государство, способны эффективно бороться и с террористической угрозой, и с экологическими вызовами, и даже с метеоритной опасностью. А потому сама по себе политическая неустойчивость, ежедневно наблюдаемая гражданами цивилизованных и развитых стран, во внутренней и во внешней политике есть явление проходящее. Тогда как на фоне всех этих катаклизмов текущей политики либеральная «светлая мечта» об устойчивом политическом существовании «обществ потребления» олицетворяет собою вечность. Это фактически одна из ипостасей современного «мифа либеральной демократии»: политическая неустойчивость вроде бы есть и она даже временами может расстроить и рассердить лояльного гражданина, но не настолько, чтобы тот отказался от оптимистического мировосприятия и позитивного отношения к либеральным ценностям, к своему гражданскому статусу носителя и проводника этих ценностей.

Результатом усилий политических элит развитых стран по привитию посредством средств массовых коммуникаций массовому сознанию такого оптимистического отношения к миру политики стал сегодня определенный стиль мировосприятия, характерный как для элитарного, так и для массового сознания в развитых странах, который можно было бы назвать *континентальной рациональностью*. Сразу оговорюсь, что речь не идет о какой-то очередной терминологической вариации на геополитические темы в духе Х. Маккиндера, которая подразумевала бы, что на берегу моря жить полезней для политической культуры и практики человека, чем жить в центре суши. В данном случае это понятие имеет смысл характеристики настроения массового сознания на определенное отношение к либеральной политике как совокупности идеалов и реалий. Хотя, наверное, нельзя полностью скидывать со счетов, что базовые свойства этого мировосприятия действительно могут больше или меньше различаться в зависимости от того, на каком континенте или субконтиненте исторически формировалась та или иная социально-политическая система.

«Континентальная рациональность» — это специфический ракурс, в котором современные «западные» социумы и их элиты видят окружающий их мир и с которым они соотносят свое видение и понимание свойств этого мира. Это та субъективная реальность, без понимания свойств которой то самое расставание России с пагубным влиянием «либеральной машины», о котором так много и часто говорят патриотически настроен-

ные отечественные политические аналитики и в котором они видят своего рода заявку на цивилизационное лидерство России, адресованную мировому сообществу, может для этой самой «либеральной машины» остаться просто незамеченным и не дать России прибыли в ресурсе геополитического влияния. Есть смысл попытаться понять те условия, вследствие которых «западные» сообщества могут просто не увидеть в российской заявке того, что хотелось бы нам, и не отреагировать на эту заявку так, как нам хотелось бы. Определение современного состояния мировосприятия в «западных» социумах и элитах как «континентальной рациональности», как представляется, может быть недостаточно точно, но в первом приближении позволяет понять принципиальный источник этих рисков. А возможно, есть смысл понять логику этого мировосприятия еще и потому, что при ближайшем рассмотрении мы сможем обнаружить ее во фрагментах либо целостности и в нашей российской политической реальности, и тогда надо будет думать, как и из этого извлечь политическую выгоду для российских общества и государства.

Рациональность всегда была одним из ключевых атрибутов «западной» цивилизованности. Но она всегда была многообразной и изменчивой от одной эпохи к другой. Сегодня, вероятно, можно наблюдать очередную ее смысловую инверсию, связанную как раз с весьма рациональным решением, укорененным в массовом и элитарном сознаниях, принципиально обособить идею комфортного, устойчивого и безопасного существования гражданина в демократическом обществе и государстве от тех вызовов и рисков, которые идут со стороны внутренней и международной либеральной политики.

Понятие «континентальная рациональность» характеризует вполне осознанное и опирающееся на соображения практической выгоды и понимание реальных рисков, связанных с богатством опыта прошлого и непредсказуемости будущего нынешних развитых социально-политических систем, видение гражданами и элитами того, как в политическом пространстве соотносятся ценности и смыслы. Их собственное пространство ценностей и смыслов воспринимается как «континент» («литосферная плита»), которая может каким-то образом перемещаться во времени и пространстве, сталкиваться время от времени с другими «континентами», объединяться с ними, но при этом никогда не менять своих принципиальных очертаний. И это является опорой всего миропорядка, политического в особенности. Первыми, может быть, к такому мировосприятию пришли США. По крайней мере, их понимание своих «жизненных интересов» в последние десятилетия подталкивает к такому предположению.

Сегодня такое мировосприятие распространяется все шире. Насколько можно судить по

консолидированной позиции «западных» государственных элит и обществ в российско-украинском конфликте, начавшемся зимой 2014 г., они вполне готовы пожертвовать и традициями политики, и будущими связями в европейском политическом и экономическом пространстве, лишь бы сегодня не произошло перемен. Это новый формат «жизненных интересов» в современной политике. Смысл последних сводится к тому, что пусть воюют в мире и даже самой Европе, пусть убивают гражданское население, пусть нарушают международные договоренности и гражданские права, главное, чтобы на «континенте Евразия» (в политическом смысле) и в особенности «субконтиненте Европа» не происходило таких подвижек, которые могли бы привести к системным изменениям в «либеральной машине». Потому как, если эта «машина» сегодня вдруг будет разобрана по частям, что нового можно собрать из этих частей, никто в современном мире толком не представляет. Так что этой позиции нельзя отказать в известной рациональности. Понятие «континентальность» в данном случае не конкурирует семантически с понятием «изоляция». Между «континентами» возможны коммуникации, «континенты» движутся навстречу друг другу. Но эти связи и движения не воспринимаются их населенками в качестве повода отказаться от предостережения, что под ними находится предельно устойчивая «литосферная плита», которую в нашем случае олицетворяют опыт, принципы и ценности современной либеральной политики в развитых социально-политических системах и сойти с которой равносильно цивилизационной катастрофе.

Это привело современные развитые социально-политические системы от «светлой мечты» о существовании в режиме «общества потребления», которая, заметим, подразумевала и оправдывала наращивание этого самого потребления, т. е. подразумевала какое-никакое развитие (в каком-то смысле даже прогресс, если под таким понимать известную идею о последующем более четком делении цивилизованного человечества на «золотой миллиард» и социально-политический и экономический «остаток»), к упомянутой выше «континентальной рациональности», подразумевающей в современном мире движение элементов, но не какое-либо качественное развитие системы политики.

Это, в сущности, отдельная проблема. Ее решение, вероятно, можно каким-то образом связать с тем состоянием умиротворенности, которое возникло в «западном» мире по следам его цивилизационной победы над миром советской демократии. Возможно, что на эту умиротворенность достигнутым политическим результатом и нежелание отнестись к нему критически каким-то образом влияет расклад сегодняшних геополитических интересов и сил. В данном случае хотелось бы отметить тот фактор современной

жизни либерально-демократических сообществ, который определенным образом соотносится с изначальной мифологической природой их «светлой мечты» о безопасном и комфортном существовании и придает такое же мифологическое свойство набирающему влияние мировосприятию, которое мы обозначили понятием «континентальная рациональность». Таким фактором является невиданное прежде развитие массовых коммуникаций. Технические и организационные аспекты этого процесса в данном случае обсуждать не имеет смысла. Они давно стали предметом для вполне самостоятельного направления политологических исследований. А вот ценностный аспект этого процесса реже привлекает внимание исследователей.

Можно сказать так, что именно Интернет создал условия для возведения современными обществами в абсолют ценности настоящего. Для массового сознания, нацеленного преимущественно на понимание происходящего вокруг, в том числе в мире политики, вне зависимости от качества знания о происходящем, Интернет стал бесценным ресурсом. Любой рядовой гражданин получил возможность «неограниченного» (и это тоже один из аспектов социально-политической мифологии настоящего) доступа к «неограниченному» же знанию о любом предмете. Особенно если дело касается предметов, расположенных в настоящем. Если функционирование в средствах массовой коммуникации информации исторического и идеологического плана еще как-то сдерживается естественными возможностями науки, действующих политических институтов генерировать и распространять такую информацию, сдерживается естественными политическими и профессиональными интересами этих структур, то текущая политическая информация генерируется и распространяется в действительно фантастических масштабах. Создается ситуация, при которой нормальный человек, интересующийся окружающим миром, просто не может придти к естественному для его здравого ума заключению: если есть что-то максимально понятное, в чем нет тайн, как в прошлом, и нет труднопросчитываемых рисков, как в будущем, то это настоящее. По поводу прошлого и настоящего надо размышлять

и накапливать самостоятельно знание, и даже это не даст исчерпывающего представления о них. Нехватку знаний о настоящем можно восполнить простым нажатием клавиш. Настоящее представлено в таком объеме информации о нем, что прошлое и будущее просто теряют свою былую роль значимых базовых источников для понимания человеком того, в каком политическом, культурном, экономическом и правовом состоянии он в данный момент пребывает. Понимание человеком любой социально-политической ситуации становится возможным благодаря безграничной детализации описания этой ситуации. Во многих случаях такая детализация имеет симулятивный характер: бесконечно тиражируется, в сущности, одна и та же информация об одном и том же событии. Но так ли это важно для современного обывателя (в положительном значении этого слова), который хочет жить в «современном мире», комфортном и безопасном, и для которого максимальное «понимание» этого мира есть первый шаг к осуществлению этого желания.

В заключение осталось только поставить самый, может быть, сложный и интересный вопрос: в какой мере «континентальная рациональность» сегодня захватила политико-культурное пространство России, детерминирует политическое сознание граждан и элит? Постсоветская социально-политическая система в последние десятилетия тоже постепенно уходила от социалистической, а затем, по ходу либерально-рыночных реформ, и от либеральной «светлой мечты» о безопасном и комфортном существовании. Если она и не пришла к какому-то фиксированному состоянию, то определенно движется в каком-то направлении. Возможно, у этого направления есть черты сходства с тем современным «западным» мировосприятием, основу которого составляет «континентальная рациональность». Зафиксировать это направление сегодня, выделить моменты сходства и различия – значит, иметь возможность отчасти спрогнозировать тот результат, который российская политика может получить в случае расставания с собственным либеральным опытом и даже, вероятно, извлечь из этого расставания практическую пользу.